

РЕЦЕНЗИЯ

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО ТЕОРИЙ, ИЛИ ТЕОРИЯ ВСЕГО БЫЛА ВОЗМОЖНА, ПОКА МЫ ЗНАЛИ ОЧЕНЬ МАЛО

(рецензия на книгу Мортона Ханта «История психологии».

М.: АСТ, 2009. — 863 с.)

«Есть много оснований сомневаться в том, что любая единая теория сможет объяснить как действия нейромедиаторов, так и психические процессы, участвующие в разрешении криптограммы; как конфигурации нервных сетей, так и течение истинной любви. “Теория всего” была возможна в психологии, пока мы знали очень мало; такое никогда больше не станет возможным» (Хант, 2009, с. 846). Это, уважаемый читатель, не введение и не послесловие к вышедшей в 2009 году в московском издательстве «АСТ» работы американского психолога Мортон Ханта «История психологии»¹ (первое американское издание работы М. Ханта вышло в США 1993 году²). Это портрет науки, а точнее заключение одного из параграфов

завершающей более чем восьмисот-страничный труд М. Ханта главы «Психология сегодня». Традиционно в учебниках, монографиях по истории психологической науки во введении формулируется цель представляемой работы, делаются необходимые замечания о структуре книги, автор поясняет логику представляемого материала и т.д. Однако в работе М. Ханта как таковой строго определенной цели не указано, и автор предлагает читателю самостоятельно определяться с тем, зачем нужна не только история психологии как академическая дисциплина, но и с тем, какие выводы по поводу ее будущего следует делать.

Последнее, собственно, чаще всего и не входит в задачу автора учебника по истории психологии; от него требуется уместить в одном томе все наиболее важные идеи, теории, и концепции, когда-либо возникавшие и существующие в психологии

¹ Хант М. История психологии / пер. с англ. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2009.

² Hunt, Morton M. The story of psychology. NY.: Doubleday, 1993.

сегодня. А что с этим делать читателю, особенно если это студент, только осваивающий новую для него дисциплину? Тем более если, по словам Ханта, «многих психологов смущает разнообразие и несвязанность друг с другом областей психологии; Джордж Миллер язвительно называет это обстоятельство “интеллектуальным зоопарком”» (с. 845). Собственно, вывод автора предлагаемой российскому читателю работы далеко не утешителен: «Однако зоопарки хотя бы содержат в определенном месте и контролируют своих питомцев; в современной психологии наблюдается тенденция к бегству. Некоторые психологи перешли на биологические факультеты, когнитивисты в некоторых университетах основали собственные подразделения, некоторые социальные психологи перешли в клиники или бизнес» (с. 845). Не хотелось бы читателя заранее настраивать на тот или иной лад — в конце концов, каждый сам сделает заключение, но оценить предлагаемую работу стоит.

Есть как минимум три причины, по которым данная работа представляет интерес для российского читателя. Во-первых, автор книги значительное внимание уделяет описанию и анализу личной жизни ученых. В общем объеме книги около восьмидесяти страниц (10% от всего объема книги) посвящено описанию ранних лет жизни ученых, их личному и профессиональному становлению. Среди всех описаний наиболь-

шим объемом выделяются биографии З. Фрейда (7 страниц), У. Джемса (6), Фр. Гальтона (5), В. Вундта (5), Дж. Уотсона (4) и Б.Ф. Скиннера (3). Если для профессионального ученого большинство биографий и фактов жизни этих и других психологов достаточно хорошо известно, для студента, и любого, начинающего изучать психологию, столь большой объем сведений о личной жизни ученых будет являться хорошим мотивирующим фактором.

Тем не менее описание личной и профессиональной жизни не выступает для автора самоцелью, ибо через личную историю жизни психолога М. Хант зачастую пытается определить источники, побудившие его к занятию той или иной сферой профессиональной психологической деятельности, через описание каждодневного поведения показывает специфику личных пристрастий и интересов. Приведем, хотя бы, следующий пример: «Дома Вундт был гостеприимен, хотя и держался довольно формально, но в университете становился догматиком и педантом; он видел себя светилом и вел себя соответственно. На своих лекциях — самых популярных в университете — он дожидался, пока все усядутся, а ассистенты запишутся и займут места в первых рядах. После этого дверь распахивалась, и торжественно входил Вундт в своей черной академической мантии; не глядя ни направо, ни налево, он поднимался на кафедру, неторопливо раскла-

дывал свои записи и только после этого поворачивался к аудитории, и начиналась лекция» (с. 175). Конечно, фрагмент из профессиональной жизни Вундта не несет какой-то серьезной нагрузки в отношении его теоретических представлений, но привлечь внимание читателя вполне способен.

Однако, есть у автора и обращения к личной жизни, заставляющие усомниться в надежности интерпретации им причинно-следственных связей. Так, при описании биографии «Мистера Бихевиоризма» Джона Уотсона автор пишет следующее: «Как и полагается коммивояжеру, Уотсон излучал уверенность в себе, ярко и решительно излагал свои взгляды и был неискоренимым женолюбом. За этим фасадом, впрочем, скрывался колеблющийся, боящийся темноты, эмоционально замороженный человек. Он мог быть общительным и очаровательным в компании, но если разговор касался глубоких чувств, Уотсон уходил из комнаты и начинал заниматься по хозяйству. Уотсон любил животных, но всю жизнь был почти не способен проявлять привязанность к людям. (Он никогда не обнимал и не целовал своих детей; желая спокойно ночи, он пожимал им руки.) После безвременной смерти своей второй жены, которую он, по-видимому, глубоко любил, Уотсон никогда не говорил о ней со своими двумя сыновьями: позднее один из них с горечью вспоминал: “Как будто она никогда не существовала”. Неуди-

вительно, что Уотсон был сторонником психологии, которая отвергала интроспекцию и самовыражение и имела дело только с внешними проявлениями, а в качестве испытуемых предпочитал людям крыс» (с. 335). Представленное описание, безусловно, способно пробудить в читателе интерес к личности Уотсона, и через это, возможно, к его теории, но надежность устанавливаемой автором причинно-следственной связи вызывает сомнения, так что читатель должен сделать это сам.

Второе, что выгодно отличает работу М. Ханта, это тщательность, даже больше — скрупулезность проведенной аналитической работы. Так, завершая 15-ю главу своей работы «Изучение мотивации и эмоций», Хант пишет: «По мере того, как мы следуем за рассказом, нам может показаться, что ранние теории опровергаются более поздними исследованиями и отбрасываются в пользу новых воззрений, однако действительность гораздо более сложна: новейшие свидетельства часто придают ценность старым теориям, не обесценивая при этом новых. Снова оказывается, что в психологии редко удается доказать ошибочность каких-либо взглядов — скорее демонстрируется их ограниченность и неполнота; в соединении с другими теориями они снова обретают значение, став частью лоскутного одеяла теорий» (с. 665). Учитывая не самое радостное настроение автора в отношении будущего психологии как самостоятельной науки, можно

расценивать данное высказывание лишь как подтверждение печальной ее судьбы.

В продолжение этому достаточно гармонично вписывается еще одно высказывание автора: «Один из комментаторов в “Американ Сайкологист”³ предсказал, что через пятьдесят лет главная область психологии распадется, направления обретут собственную идентичность и собственные названия и образуют отдельные факультеты в университетах; психология станет рассматриваться как временная фаза развития поведенческих наук» (с. 845–846).

Приходя к заключению о том, что психология представляет собой «лоскутное одеяло теорий», автор настолько подробно рассматривает те или иные вопросы, что может возникнуть соблазн рекомендовать работу М. Ханта как учебное пособие по курсам общей психологии, психологии личности, возрастной, социальной и многим другим разделам психологии. Наиболее характерными примерами могут служить следующие главы: глава 4 «Физика-

листы», в которой проводится подробный анализ многих проблем психофизиологии; глава 8 «Измерители», материал которой станет интересен изучающим психодиагностику и экспериментальную психологию; глава 11 «Персоналистическое психология», предмет которой составляет основу психологии личности, теорий личности и т.п.; глава 14 «Психология восприятия», подробно рассматривающая один из ведущих разделов общей психологии. Можно было бы перечислить практически все главы, но предоставляя читателю возможность самостоятельно познакомиться с их содержанием, перейдем к еще одному не менее важному моменту.

Традиционно одним из критериев надежности изданий, подобных работе М. Ханта, является качественная и количественная характеристика источниковой базы. В этом отношении рассматриваемая работа должна находиться в первых рядах, так как в работе автор ссылается на 733 источника, при том что самих источников более тысячи, и это, несомненно, третья причина актуальности данной работы. Причем стоит отдельно указать, что автор достаточно часто ссылается на не вполне традиционные для учебников по истории психологии источники: газетные статьи, личные беседы с учеными, их воспоминания. В качестве примера читатель может обратиться к краткой биографии Лоуренса Колберга (с. 500–501), сведения о которой автор почерпнул из таких газет, как «The Boston Globe»,

³ Именно так в русском переводе книги назван журнал «American Psychologist». Кстати, и все сокращенные названия оригинальных терминов и некоторые наименования, традиционно не переводящиеся, в книге представлены в кириллице, например: аббревиатура механизма овладения языком (по Н. Хомскому) представлена как МОЯ, а понятие «параллельная распределенная обработка информации» (по Д. Румелхарту) обозначено как ПРОИ. И такого рода странных примеров много.

«Boston Herald», «Harvard gazette», а также из воспоминаний супруги Колберга Люсиллы.

Однако читатель, желающий познакомиться подробнее с биографиями (и не только с ними) заинтересовавших его ученых, неожиданно столкнется с трудностью, которая авторов этой статьи ввела, как минимум, в недоумение: при попытке перейти к библиографическому списку, нас ожидало очень большое разочарование — его в работе попросту нет. Ссылки на источники в изобилии, тогда как самих источников в виде библиографического списка не

имеется. Сложно сказать, в чем причина: недосмотр редакторов, ошибка типографии или такое странное стремление российских издателей к уменьшению издержек? Предполагать, что список недоглядел автор не вполне этично, да и это маловероятно. Так что данную проблему можно решить, по всей видимости, лишь дожидаясь переиздания работы М. Ханта на русском языке в полном объеме — с наличием библиографического списка.

*В.А. Мазиллов,
Ю.Н. Слепко*